

ЕЩЕ РАЗ О “МЕСТЕ” И “ВРЕМЕНИ” В ДРЕВНЕМ ИРАНЕ¹

Данная статья посвящена др.-ир. лексеме *gātu-/*gāθu-, и ее рефлексам в средне- и новоиранских языках. Это единственная лексема, рефлексы которой в современных иранских языках совмещают в себе значения и *места* и *времени*; они широко представлены во многих иранских языках. География распространения рефлексов этой др.-ир. лексемы, представлена в ЭСИЯ многочисленными примерами из более поздних иранских языков [Расторгуева, Эдельман 2007, 269-271]. Это языки юго-западной группы со словоформой *gāh*:- ср.-перс. ман., дари, совр. перс., тадж., бахтиярский. Словари северо-западной группы: курдского (курманджи), гурани, гилянско-го, талахедешки, ласгерди и некоторые другие, – фиксируют для *gāh/gā* значение – не *места* – но *времени* (в адвербиальных словосочетаниях типа ‘*временами, то ... то, иногда, раз*’). Восточный языковой ареал представлен рефлексами исключительно (если не считать примера из пашто, в котором Д. Эдельман, однако не уверена) со значением *места*, также в специализированном значении (типа ‘*трон*’, ‘*стойло*’ и т.п.) [Расторгуева, Эдельман 2007, 269-271].

Однако Богшо Лашкарбеков своей статьей «Рефлексы *gātu-/*gāθu- место, время в памирских языках и некоторых таджикских говорах» [Лашкарбеков 2014], расширил в нашем представлении географию распространения этих рефлексов в данном ареале и зафиксировал наличие для них некоторых темпоральных (*временных*) значений. Приведенный им языковой материал проиллюстрировал и подтвердил целый ряд закономерностей в их функционировании и распределении значений. Б. Лашкарбеков доказал

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект N 20-512-07004/20

неисконный, заимствованный характер этих рефлексов для указанного ареала (их согдийский или бактрийский фонетический облик).

Чтобы продемонстрировать это, начать следует с истории данной лексемы. Для др.-ир. уровня Д. И. Эдельман выводит два фонетических варианта праформы: со смычным глухим зубным согласным: **gātu-*, так в языке Авесты, и со спирантом: **gāθu-*, так в надписях Ахеменидов. В этих древних иранских памятниках письменности оба фонетических варианта передают только значение *место*. Также и в древнеиндийском языке эта лексема не имеет темпорального аспекта значения, только *локальное*. Более того, ряд ее словоупотреблений в Ригведе и в Авесте указывает на другие оттенки значения, которые подтверждают ее связь с индоевропейским глаголом **g^wem-* ‘идти, двигаться’ (см. Майрхофер в [Расторгуева, Эдельман 2007, 269-271]). Это ав. г. *vaēdāmnō gātūm* ~ др.-инд. *gātúm ... vividrire, gātu-víd-*, также ав. п. *gātuiō viṇḍan* (см. EWA [Mayrhofer 1992, 483-484]). Оно передает смысл ‘ведать путь’. Здесь контекст указывает на особый, возможно, сакральный смысл этого слова: в нем *gātūm* сопоставляется, в качестве однородного дополнения, с одним из важнейших зороастровских² по происхождению, но содержащих отсылку к общеиндоиранскому концептам и ведет, собственно, к Мудрому Владыке: *manas-cā vohū vaēdāmnō gātūm-cā ahurāi* ‘и мысль благую ведающий и путь к Ахуре’ (Y. 28, 5, не так в переводе И. М. Стеблин-Каменского). Впрочем, строго говоря, эту фразу можно *читать* и как ‘и мысль благую ведающий и место для Ахуры’ (Дательный падеж, зд. *ahurāi*, может означать и косвенный объект при глаголе, и бенефактора, а, кроме того, цель, как в ведийском *kṛṇvānāso amṛtatváya gātúm* ‘приготавливающие путь к бессмертию’ [Елизаренкова 1982, 194]. Ср. также варианты значений ведийской лексемы *gātú-* м. [Елизаренкова 1999, 81-83].

Для нашего случая, особый интерес представляет закрепленность за мифами, связанными с Индрой, устойчивых сочетаний с лексемой *gātú-*, имеющих общее значение ‘создавать свободный путь; создавать выход; пробуровать путь; найти путь’. Этот последний вариант отлился «в виде эпитета

² Зороастровское – то, что, по моему мнению, исходит/восходит к самому Заратуштру, зороастрийское – принадлежит традиции, причем эта традиция хронологически и географически эшелонирована – С. В. позднее замечание.

богов *gātuvid-* 'создающий свободный путь, ~ успех', 'находящий свободный путь' [там же 83], т.е. эпитета самого Индры, что дает нам основание видеть в стихе Y. 5 Гат очередную отсылку к Ригведе (противопоставление – на уровне смысла + соположение на уровне звучания).

Обратимся теперь к фонетике. В др.-инд. это лексема *gātáv-* м., 'хождение, путь' (но не 'время'). Из др.-инд. видно, что зубной согласный в праформе не был придыхательным. А значит, можно предположить, что спирант *ʒ* – результат последующего фонетического развития в определенном фонетическом окружении (не так у Майрхофера: в EWA Майрхофер называет это «эрзац-суффиксом *-θu-* для *-tu-*» [Mayrhofer 1997, 484]). См. парадигму склонения этой лексемы, где видно, что **t* оказывается или между гласными, или перед согласным вариантом сонанта **v*, а это и есть для него «слабая» позиция; т.е., как можно предполагать, изначально, во всяком случае, в юго-западной линии при склонении имело место чередование **t* (между гласными): **ʒ* (перед согласным вариантом сонанта **v*). И действительно, подобная спирализация имела место в древнеперсидском, где, например, '4' = *čāhār*, дает нам линию развития, если ретроспективно - *h : ʒ : *tv* (сравн. перс. '3' سه *se*, где опять-таки проявилась неустойчивость **t* перед согласным вариантом другого сонанта – **r*). В Авесте же **t* перед **v* сохраняет свою смычность (ср., например, ав. г. *tvəm*, или ав. п. *tum/tūm* 'ты' ~ др.-перс. *tuvaṃ* (но ав. *miθra-* со спирализацией **t* перед **r*, и ав. *mīθra-* 'экскременты'). Таким образом, уже в древнеиранский период началось расхождение между диалектами в отражении этого глухого зубного в данной позиции. Язык Авесты реализует смычный вариант **t*, а древнеперсидский спирализованный **ʒ*. Причём в др.-ир. **gātav-/gāḍav-* м., п. в значении 'место', это диалектное различие поддерживается всей парадигмой: ав. г. *gātūm-čā*; а также в поздней Авесте: *gātvō* (род. п., ед. ч.); *gātū* (инстр. п., ед. ч.); *gātūm*; *hača gātaoṭ* (отлож. п., ед.ч.); *gātava* (местн. п., ед. ч.) и *gātvō* (местн. п., ед. ч.); *gātušva* (местн. п., мн. ч.); *gātuš* (им. п., ед. ч., м. р.) и даже очень позднее, с флексией из другого типа склонения: *gātvahe* (род. п., ед. ч). Таким образом, авестийский сохраняет смычный *t* в этом слове по всей парадигме, независимо от окружения (см. Бартоломе [Bartholomae 1961]). В др.-перс. *gāḍum* (вин. п., ед. ч.); *gāḍavā* (местн. п., ед. ч.) мы имеем выравнивание

парадигмы. И это, уже парадигматическое, др.-перс. *ʒ* имеет закономерное продолжение в совр. перс. *h* в *gāh*. (И, как известно, именно эту, юго-западную форму в ее узком, специализированном значении заимствовали в древности армяне: *gaḥ* – ‘трон’). В надписях Ахеменидов эта лексема передает только локальный смысл: ‘место; место битвы; трон’; в независимом же употреблении, без уточнения (место для чего) она имеет наречное значение, в надписях это локатив *gāḍavā* ‘на (свое) место, обратно’ в сочетании ‘поставил на место (т. е. вернул обратно)’, см. надпись Дария Ахеменида в Бехистуне: DBh I, 62-63.

В новый исторический период у рефлексов этой лексемы наблюдается уже расширенный набор значений. Так, совр. перс. *gāh* – по Б. В. Миллеру [Миллер 1953], это ‘1. Время, 2. Место и 3. Трон’ (ср. арабизированную форму *jāh* в значении ‘ранг, положение’). Однако, если мы обратимся к русско-персидским словарям, то обнаружим, что в значении ‘место’ во всех ее словоупотреблениях, независимом, и в составе словосочетаний, в т. ч. наречного характера, в современном персидском употребляется другая исконно иранская лексема *jā*, восходящая также, в конечном счете, к индоиранскому глагольному корню со значением ‘ходить, двигаться’ – **gam-* [Расторгуева, Эдельман 2007, 117].

Значение же *времени* в новоиранский период закрепляется за рефлексами др.-ир. основы **jamāpa-* ‘преходящий, приходящий, проходящий’; производной, в конечном счете, от того же глагольного корня **gam-* (перс. *zāmān* со значением ‘время’, и в др. языках юго-зап. группы. Ср. арм. *žamanak* с тем же значением, из парф. *žamān*) [Расторгуева, Эдельман 2007, 128]. Что касается *gāh*, то оно употребляется лишь в словосочетаниях наречного характера типа ‘*временами, иногда*’ и т. п. (как и в приводимых в ЭСИЯ примерах [Расторгуева, Эдельман 2007]), ср. [Восканян 1986]. Словари, посвященные лексике классической персидской (персидско-таджикской) литературы, персидский словарь IX-X вв. *Борхан-Кате*’ в редакции Мохаммада Моина *Borhān-e Qāte*’ и составленный в наше время, в 1969 г. таджикскими учеными словарь *Фарҳанги забони тоҷикӣ*, фиксируя значение *места* и *времени* для кл.-перс. лексемы *gāh*, подтверждают тот факт, что значение *темпоральное* у лексемы *gāh* проявляется исключительно в устойчивых словосочетаниях наречного характера, в том числе и с артиклем *-ī* [*Borhān-e Qāte*’ 1242, 1771]. Эти сочетания широко

представлены, как в таджикском, так и в других современных иранских языках, от курдского до пашто (см., например Зудин [Зудин 1963]); так же и в памирских языках и таджикских говорах, рассмотренных Б. Лашкарбековым. Так же не удалось найти убедительных примеров независимого именного употребления *gāh* в значении ‘место’. Как правило, *gāh* употребляется как вторая часть словосложений со значением ‘место (пребывание чего-либо), помещение’ типа *īst-gāh* ‘остановка’ и др. Это очень продуктивная модель словообразования, которая была заимствована другими иранскими языками, входящими или входившими в общий с Ираном и Персией культурно-языковой ареал, напр., пашто, Афганистан (*yarār-gāh* ‘штаб’ [Асланов 1966] и т.д. Современное *gāh* и его диалектные фонетические варианты в значении ‘место’ отразилось в функции служебных словообразовательных морфем. Причем эта модель словообразования получила широкое распространение; и была заимствована (вместе со словообразовательной морфемой) в самых различных ареалах иранского мира, причем, часто с сохранением собственно персидского фонетического облика.

Итак, на уровне древнеиранском эта лексема передавала только *локальные* значения. Значения *темпоральные* – вторичные, более поздние и проявляющиеся, как было сказано выше, только в устойчивых словосочетаниях наречного характера. В независимом же употреблении рефлексy др.-ир. **gātav-* */*gāṭav-* сохраняют исключительно *локальные* оттенки значения. К этой лексеме восходят различные имена места, образовавшиеся в соответствии с закономерностями исторической фонетики соответствующего языка в результате более поздней специализации древней лексемы с исходным инвариантным значением ‘место (пребывание)’ (ср. ав. *gātav-* m., n. или др.-перс. *gāṭav-* m., n.).

Этот процесс особенно активизируется к так называемому среднеиранскому периоду. Так Мэри Бойс выделяет в семантическом развитии этой лексемы следующие значения: др.-инд. и ав. г. ‘going, motion; way’; ав. п. ‘place’, также с уточнениями, как ‘особое место, предназначенное для лежания, сидения и т.д.’; др.-перс. *gāṭu-* наряду с общим значением ‘place’, приобретает и спецификационный оттенок: ‘place for standing, platform’ [Boyce 2000]. На уровне среднеперсидского и парфянского у этой лексемы формируется новое значение – ‘положение (как ранг)’ (в соответствии с очень простой – в ее объяснении –

логикой: ‘plainly from one’s place in an assembly’). М. Бойс иллюстрирует также развитие значений этого слова на примерах его «спецификаций» в манихейских вариантах среднеперсидского и парфянского (*gāh* при передаче греч. *bēma* в значении ‘платформа, возвышенное место’), а также в зороастрийском лексиконе при *ka*-производном *gāhug* ‘одр, ложе умершего’. И, наконец, она также подтверждает тот факт, что в значении ‘место’ *gāh* встречается исключительно как второй компонент сложных слов. Конкретные примеры и исчерпывающая библиография приводятся у М. Бойс [там же].

Свое особое мнение относительно темпорального аспекта значения лексемы *gāh* Мэри Бойс высказывает в той же статье. Она показывает, что уже в эпоху так называемого среднеиранского периода возникает еще одна форма, омонимичная *gāh* ‘место’. Это *gāh*, производное от ав. *gāθā-* ‘Тата, песнопение’, которая в среднеперсидском и парфянском приобретает также темпоральный оттенок значения. *Gāh* как ‘время’ есть результат, по мнению Мэри Бойс, – и почему бы и нет – трансформации значения в «Zoroastrian priestly usage», трансформации, восходящей к узусу зороастрийских жрецов и в целом к зороастрийской языковой среде [Boyse 2000]. Очевидно, под этим следует понимать, что окказиональное *темпоральное* употребление, обусловленное определенным контекстом (в дискурсе, не в тексте), закрепилось в составе устойчивых словосочетаний (в конечном счете, как результат целой цепочки метонимических переносов логической(?) природы), в весьма ограниченном наборе контекстов адвербиально-темпоральной природы. Как бы то ни было, в словарях за лексемой *gāh* закрепляется – в качестве общего – значение *время*, наряду со значением *место*. См., напр., [Borhān-e Qāte’ 1242, 1771] или [Hassandoust 1393, 2014] или [Фарханги забони тоҷикӣ 1969].

Вне зависимости от того, принимаем ли мы такой путь развития приведенного значения или нет, следует еще раз подчеркнуть, что *gāh* ‘время’ фигурирует исключительно в устойчивых словосочетаниях наречного характера (в том числе и в сочетании с артиклем) или как второй компонент словосложения. Более того, во всех тех примерах, где перс. *gāh* употреблено самостоятельно, оно имеет наречное значение ‘во время’, ср. [Borhān-e Qāte’ 1242, 1771]. Наиболее широко это отражено у Б. Лашкарбекова, в его материалах

по памирским языкам и некоторым таджикским говорам [Лашкарбеков 2014]. Для других иранских языков и диалектов подобный материал еще только предстоит собрать.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что группа рефлексов этой древней лексемы, приобретшей новый, темпоральный аспект значения, наряду с ее рефлексами, сохраняющими исконный локальный аспект значения, была заимствована в очень многие современные иранские языки самой разной диалектной принадлежности. Более того, нам предположительно известно, когда это произошло-происходило. В после-ахеменидский или возможно даже поздне-ахеменидский период эти процессы активизировались в области первичной и вторичной номинации, в специализации исходного лексического значения, в образовании устойчивых словосочетаний на базе рефлексов др.-ир. лексем **gātu-* / **gāθu-* с развитием темпорального аспекта значения.

По знаменательному совпадению, именно к этому периоду относят зарождение зурванистских идей в зороастрийской среде на фоне возросшего внимания к концепту времени в древнеиранской мысли (см. Зенер [Zaehner 1955], Бойс [Boyce 1957], Лубоцкий [Lubotsky 1998] и др.). Для нас же в этой связи небезынтересным представляется следующее наблюдение Евдема Родосского (ум. ок. 300 г. до н. э., ученик Аристотеля), которое дошло до нас в пересказе другого древнего грека, Дамаския (ок. 458 – после 538 гг. н. э.). «По Евдему, от существа, которое называют то МЕСТОМ, то ВРЕМЕНЕМ, и которое объединяет все познаваемые вещи, произошли добрый бог и злой демон, или свет и тьма» (найти это можно у [de Jong 1997, 94]). В этом пересказе «учения магов» видят самое раннее изложение доктрины зурванизма (притом, что сам Зурван там не упомянут; притом, что древние источники, как правило, приписывали зурванизм персидским магам) [там же]. Таким образом, недифференцированное еще значение *места-времени* древние греки, в лице Евдема Родосского, приписывали другой древнеиранской лексеме **zrvan-* : *zrūn-*, *zrun-* м. см. Бартоломе [Bartholomae 1961, 1703].

В авестийском Видевдате есть такие строки: *paθqm zrvō.dātanqm jasd'ti* (V.19.29) ‘(тот, кто) путями, установленными Зрваном, следует’ [там же Bartholomae 1704], которые перекликаются с процитированными в начале, о

‘пути к Ахуре’. Это характеризует «путь», пройденный Авестой, как корпусом текстов, от зороастровского «Ахура Мазды» до Зрвана, претендующего на верховенство над Ахурамаздой-Ормуздом. Это дает нам еще одну веху на оси относительной хронологии текстов, формирующих корпус Авесты [Виноградова 2012].

Принятые сокращения

ав. авестийский

ав. п., позднеавестийский (младоавестийский)

ав. г. авестийский Гат

греч. греческий

др.-инд. древнеиндийский (Ригведа)

др.-ир. древнеиранский

др.-перс. древнеперсидский

курд. курдский

кл.-перс. классический персидский (персидско-таджикский)

совр. перс. современный персидский

ср.-перс. среднеперсидский

ср.-перс. ман. среднеперсидский манихейский

тадж. таджикский

ONCE MORE ABOUT “TIME” AND “PLACE” IN ANCIENT IRAN

Sophia Vinogradova

The article is devoted to a brief history of meanings of Old Iranian lexeme **gātu-* / **gāθu-* and its reflexes in the subsequent periods in some Iranian languages.

БИБЛИОГРАФИЯ

Асланов М. Г. Афганско-русский словарь (пушту). М., 1966.

Виноградова С. П. К вопросу об относительной хронологии авестийских Гат (опыт сравнительной текстологии). Доклад на конференции «Текстология Востока: опыт интерпретации перевода источников», посвященной 90-летию проф. Е.А. Давидович. Москва: ИВ РАН, 26-28.11.2012 (тезисы и рукопись).

Восканян Г. А. Русско-персидский словарь. М., 1986.

Зудин П. Б. Русско-афганский словарь. М., 1955.

Лашкарбеков Б. Б. Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gāθu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах // Письменные памятники Востока. СПб., Вып.1 (20), 2014. С. 58-63.

Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. М., 1953.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т.3. М., 2007.

Стеблин-Каменский И. М. Гаты Заратуштры. СПб., 2009.

Фарҳанги забони тоҷикӣ, Под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хошим, Н. А. Масуми. В 2-х тт. М., 1969.

Bartholomae, Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. Unveränderte Auflage. Berlin, 1961.

Boyce, Mary. Some reflections on Zurvanism // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London: SOAS. 19 (2): 304–316, 1957.

Boyce, Mary. GĀH, a Middle Persian, Parthian, and New Persian word meaning either “place” or “time” // Encyclopaedia Iranica: 2000, 2013.

Borhān-e Qāte’ // Под ред. Mohammad Mo’in. Tehran: Ibn Sina, 1242. (на перс. яз.).

Insler, Stanley. The Gāthās of Zarathustra. Tehran-Liège, 1975.

Hassandoust M. *Farhang-e riše-šenāxti-ye zabān-e fārsi*. Vol. 1-5. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi (Хасандуст, Мохаммад. Этимологический словарь персидского языка, т. 1-5. Тегеран: Академия персидского языка и литературы, 1393/2014).

Jong, Albert de. Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin literature // Religions in the Graeco-Roman world. Vol. 133. Leiden etc.: Brill, 1997. 496 p.

Jong, Albert de. [ZURVAN](#). Last Updated: March 28, 2014 // ©2019 Encyclopædia Iranica Foundation, Inc. All Rights Reserved. ISSN 2330-4804.

Lubotsky, Alexander. Avestan zruuan- // Polytron: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова, ред. Т. М. Николаева, ред. Москва, 1998. сс. 73-85.

Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Band I. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag, 1992.

Zaehner R. Ch. Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxford University, 1955. Reprint: Biblio and Tannen. New York, 1972.